

А. Г. БРИКНЕР

Смерть Павла Первого

<Фрагменты>

<...> Пален держал все нити задуманного плана в своих руках. Ланжерон¹ пишет: «Пален остался один (после смерти Рибаса и удаления Панина). Но его одного было достаточно. Для выполнения плана нужен был такой человек, как он; нужно было также, чтобы в его лице были объединены важнейшие должности; только в таком случае Россия могла быть спасена. Пален спас Россию, но я, со своей стороны, не хотел бы быть ее спасителем столь дорогою ценою. Пален был человек серьезный, полный отваги, с возвышенною душою и непоколебимым характером; это была личность благородная и импонирующая; он не обнаруживал своих чувств и ничем не давал вывести себя из равновесия. Если дело касалось выполнения задуманного им плана, то он готов был пожертвовать своим положением, состоянием, своею свободой и даже жизнью. Он словно создан был для того, чтобы иметь успех, побеждать всякие препятствия; это был прирожденный конспиратор, который может служить образцом будущим заговорщикам. То, что он намеревался сделать, было необходимо, но было не так-то легко. Нужно было избавиться от Павла. Пален стоял за умерщвление Павла. Нужно было сообщить план великому князю Александру; Пален убедил его, что имеется в виду лишь отречение Павла от престола и заключение его, но что жизнь будет ему оставлена... Пален был петербургским губернатором и в качестве такового находился под началом великого князя Александра; это облегчило ему выполнение плана... Успех зависел от того, удастся ли привлечь гвардейские полки и подстрекнуть их, что было нелегко. Солдаты-гвардейцы любили Павла. Особенно предан ему был первый батальон Преображенского полка. Взрывы ярости несчастного государя были направлены против офицеров и генералов; солдат же хорошо одевали, хорошо кормили, даже дарили им деньги. Гораздо легче было добиться содействия

офицеров, для того чтобы произвести переворот; зато трудно было сделать выбор между 300 легкомысленных, разгульных, шумливых и склонных к болтливости офицеров. Заговор легко мог быть обнаружен благодаря этому. Недоверие, возникшее по отношению к ним, заставило ускорить момент катастрофы. Пален сумел преодолеть все эти затруднения и устранить препятствия. С непоколебимым и поистине ужасающим упорством достиг он своей цели».

В не раз уже приведенном рассказе Палена о разговоре с Ланжероном мы находим проявления цинизма, подтверждающего характеристику этого человека. Пален сообщил среди прочего следующее: «Я должен признаться, что великий князь Александр не соглашался ни на что, пока я не предложил дать ему честное слово, что никто не посягнет на жизнь его отца <...>. Я дал ему это обещание. Я не был так безрассуден, чтобы ручаться за то, что было невозможно; но нужно было успокоить угрызения совести моего будущего государя; я наружно соглашался с его намерениями, хотя был убежден, что они невыполнимы. Я знал слишком хорошо, что революций или совсем не надо начинать, или надо доводить их до конца, и что если Павел останется в живых, то для Александра скоро откроются двери темницы; наступила бы самая ужасная реакция, и кровь невинных и виновных скоро наводнила бы столицу и провинции».

Рассказ Палена продолжается следующим образом: «Для выполнения наших планов мы назначили конец марта; непредвиденные обстоятельства заставили нас ускорить дело. Многие гвардейские офицеры были посвящены в тайну наших намерений или же догадывались о них; я мог ожидать всего худшего от их болтливости и беспокоился. Утром 7 марта, в семь часов, я вошел в кабинет Павла, чтобы, согласно ежедневному обыкновению, сделать ему доклад о положении столицы. Я застал его погруженным в размышления (реосуре) и серьезным; он открывает дверь, минуты две смотрит на меня, не говоря ни слова. Наконец он спрашивает меня: “Господин фон Пален, были вы здесь в 1762 году?” — “Был, государь”. — “Так вы были здесь?” — “Да, государь; но что, ваше величество, хотите этим сказать?” — “При вас ли произошел переворот, лишивший моего отца престола и жизни?” — “Я был свидетелем этого, государь, но не участвовал в этом деле; я был очень молод, служил унтер-офицером в Кавалергардском полку; я ездил верхом в своем полку, не подозревая о том, что происходит; но почему, ваше величество, ставите мне этот вопрос?” — “Почему? Да потому, что хотят возобновить 1762 год”. Я затрепетал при этих словах, но тотчас же овладел собою и сказал: “Да, государь, это хотят сделать, я это знаю, я сам принадлежу к заговору?” — “Как, вы это знаете и принадлежите к заговору? Что это вы мне говорите?” — “Да, государь, я принадлежу

к заговору и должен делать вид, что принадлежу к нему; мог ли бы я иначе знать, что замышляется, если бы не делал вид, что принимаю участие в заговоре? Но будьте спокойны; вам нечего опасаться; я держу все нити заговора в моих руках. Вы очень скоро узнаете все. Но не думайте сравнивать угрожающей вам опасности с той, которая грозила вашему отцу. Он был иностранец; вы — русский. Он ненавидел русских, открыто выражал презрение к ним и возбудил против себя народ. Вы же, наоборот, любите русских, уважаете и цените их и пользуетесь их услугами. Он не был коронован, вы же коронованы. Он преследовал духовенство, вы же почитаете его. Он до крайности раздражил против себя гвардейские полки; вам же эти полки совершенно преданы. В то время в Петербурге не было полиции; теперь же полиция превосходно организована, без моего ведома не делается ни единого шага, не произносится ни единого слова. Каковы бы ни были намерения императрицы, но она не имеет ни способностей, ни силы воли вашей матери, у нее взрослые дети, между тем как вашему величеству в то время, в 1762 году, было лишь семь лет”. — “Все это так, — сказал Павел, — но не надо дремать”. Так окончился наш разговор. Но я тотчас же написал великому князю, убеждая его немедленно, на другой же день, нанести подготовленный удар. Он потребовал, чтобы я подождал до марта, так как в этот день на карауле будет стоять третий батальон Семеновского полка, в котором он был еще более уверен, чем в двух других. Я согласился неохотно и оба дня находился в тревоге».

Ланжерон добавляет к этому: «Пален имел полное основание беспокоиться. По-видимому, государь подозревал о составленном плане, и сам Пален был у него на подозрении. Совершенно тайно Павел послал за двумя своими любимцами из гатчинских времен, находившимися в изгнании — Аракчеевым и Линденером². Если бы эти два чудовища прибыли вовремя, то они отстранили бы Палена, а может быть и великого князя Александра, от управления Петербургом, и столица сделалась бы ареной кровопролития. Аракчеев приехал через десять часов после смерти Павла, он был остановлен у городской заставы и снова удален». Говорят, что Павел хотел также вызвать Ростопчина. За несколько дней до катастрофы последний, как рассказывают, получил депешу, заключавшую в себе наскоро нацарапанные слова. «Вы мне нужны. Приезжайте скорее. Павел». Ростопчин тотчас же уехал, предчувствуя недоброе, но уже дорогой, в Москве, он узнал о внезапной кончине государя. Он догадался о том, как было дело, и вернулся в свое имение. Впоследствии он уверял, что сумел бы предотвратить преступление, если бы находился в Петербурге.

В заключение своего устного рассказа в беседе с Ланжероном Пален заметил: «Наконец наступил ожидаемый момент. Вы знаете,

что произошло. Император погиб и должен был погибнуть, я не был ни свидетелем, ни действующим лицом в его смерти, я предвидел его кончину, но не хотел принимать участия в этом деле, так как дал слово великому князю». «Странный ход мыслей, — восклицает Ланжерон, — он не был действующим лицом при убийстве Павла, но поручил совершить это дело Зубовым и Беннигсену!»

Нет основания сомневаться в том, что Александр был убежден, будто все дело заключается в отречении Павла, а вовсе не в убийстве, как оно было совершено впоследствии. Но трудно соотнести этот взгляд с теми приготовлениями, которые были сделаны. Законный переворот, перемену на престоле без кровопролития могли бы предложить и провести прежде всего политические учреждения, как, например, Сенат. Что дело шло, наоборот, о «*coup de main*» (о перевороте), видно было уже из того, что предприятие носило военный характер. Сам Александр для выполнения плана придавал главное значение войскам, дух которых был ему известен и от содействия которых он ожидал верного успеха. Шумная толпа частью молодых офицеров должна была действовать для устранения душевнобольного монарха. Как могло дело обойтись без грубого насилия? Как рассказы Палена об образе действий Александра до катастрофы, так и сообщение Чарторыского о поведении молодого императора после нее заставляют нас усматривать противоречие в мыслях и чувствах великого князя, видеть ошибку в мышлении, которую можно объяснить только полным отсутствием политического или какого бы то ни было опыта. Странно было пользоваться таким опасным оружием и думать, что оно не нанесет раны. Мы стоим здесь перед психологической задачей. Александр в течение нескольких месяцев терпел главных виновников смерти Павла на выдающихся постах, но затем подверг самому тяжкому наказанию того, кто решительнейшим образом осуждал такой способ выполнения плана, а именно графа Панина. Страшная опасность, грозившая самому Александру, тяжелое положение, в котором он находился, быть может, омрачили его ум. Что он был поражен, приведен в ужас в момент катастрофы, не подлежит сомнению. Зато поведение и образ действия Палена совершенно ясны и очевидны; с цинической откровенностью он не скрывал своего иезуитизма, признался в своей *reservatio mentalis* (мысленной оговорке); он знал, чего он хочет. Роль Александра в этой трагедии остается под знаком вопроса. Пален — весь нервы, инициатива, действие. Александр находился всецело на буксире у Палена. Для обоих характерно, что Пален мог обмануть великого князя относительно последствий предприятия против Павла.

<...> Рассматривая вопрос о том, кто был виновен или принимал участие в преступлении против Павла, можно указать три кате-

гории людей, которых следовало бы привлечь к ответственности. Наиболее скомпрометированными оказались те, кто приложил руки к убийству государя, как, например, Николай Зубов³, Яшвиль и др. Вторую группу составляли те, кто не принимал непосредственного участия в сцене убийства, даже не был в то время в спальне Павла, как, например, князь Платон Зубов и генерал Беннигсен, а также граф Пален, но которые действовали с целью насильственного устранения Павла и подстрекали других сыграть роль палачей, убеждая в том, что иным путем спасение страны невозможно. Руки их не были запятнаны кровью жертвы, но нравственная ответственность их гораздо тяжелее, чем ответственность грубых, пьяных офицеров, которые в животном возбуждении совершили дело, не сознавая всех последствий преступления. Третью группу составляли те, кто стоял за необходимость отстранения душевнобольного человека, сохранив ему жизнь, от положения, в котором он мог принести неизмеримый вред; может быть, эти лица — а это были Александр и граф Панин — заблуждались относительно самого осуществления регентства, но они были убеждены, что государственный переворот произойдет без кровопролития. Мысль о замене неспособного к управлению другим лицом не могла считаться ни в каком случае ни преступной, ни достойной наказания. Не может быть сомнения в том, что Александр не ожидал ужасного исхода своего плана. Тем не менее он предоставил в распоряжение заговорщиков войска, на которые имел влияние, в последние недели до катастрофы он обсуждал с Паленом и Зубовым необходимость перемены, поручил выполнение плана людям, которые, правда без его формального согласия, прибегли к крайним средствам и если не сами лично совершили, то вызвали совершение отвратительного преступления. Александр знал в момент выполнения плана, что созваны военные силы, он должен был сказать себе, что насильственный переворот неизбежен, хотя, веря Палену, он мог убеждать себя, что жизни его отца не грозит опасность. Он был также ответственен за исход дела, хотя представлял его себе иначе. Он был солидарен с Паленом, Беннигсеном и Платоном Зубовым, хотя отношение его к настоящим убийцам было совершенно иное, чем у этих лиц. Гораздо менее скомпрометирован был граф Панин, который так же мало думал об убийстве, как Александр, но имел счастье вдали от места действия узнать о великой и, в общем, благодетельной перемене в Русском государстве и получить известие о ней, ничего не подозревая. Он пожал плоды государственного переворота, снова занял прежнее место в министерстве, пользовался неограниченным доверием молодого императора, не будучи обязанным принимать участие в приготовлениях к освободительному акту, даже не зная

о мерах, какие условились принять Александр и главные заговорщики. Как сам Панин, так и друзья его высказывали убеждение, что он, если бы оказался в Петербурге, постарался бы помешать насильственному акту, насколько это было в его силах. Таким образом, по взглядам на способ выполнения плана, быть может, впервые им высказанного, он был решительно не согласен с представителями других категорий виновных или участников в преступлении. На нем тяготела несравненно меньшая ответственность, чем на Александре.

Лишь постольку, поскольку Панин, пожалуй, раньше самого Палена возбудил вопрос о регентстве, поскольку он, как следует полагать, прежде всех говорил об этом деле с Александром, на нем тяготела значительная доля ответственности за исход дела, даже если он не соответствовал его намерениям. Панин дал камню толчок, и он покатился по наклонной плоскости, а если камень принял не то направление, которое желал дать ему Панин, то это была не его вина. Если бы, например, в Дании, когда заболел Христиан VII⁴, или в Англии, когда захворал Георг III⁵, какой-нибудь министр заговорил о необходимости замены этих лиц соответствующими наследниками, то этот министр ни в одном из этих случаев не был бы скомпрометирован, так как перемена произошла к общему благополучию.

Тем более удивительной кажется судьба Панина, изображением которой мы закончим повествование об этих памятных событиях. Панин, чей образ мыслей и действий был всего более безобидным, подвергся более тяжкому преследованию, чем кто-либо из других участников этого происшествия. И это преследование производит тем более тяжелое впечатление, что Немезида, очевидно, слепо заблуждаясь, добралась до графа Панина гораздо позднее, чем до Палена и Платона Зубова, а также потому, что личные отношения Панина к императору Александру и его матери были гораздо более близкими и искренними, чем отношения главного виновника — Палена.

Мы ничего не знаем о преследовании и наказании настоящих убийц Павла. В июне 1801 года Пален стал жертвой ненависти к нему вдовствующей императрицы и с тех пор проживал в своих имениях в Курляндии. Несколько позднее и Зубову пришлось уехать в его курляндское имение Руенталь, где он жил очень уединенно. «Александр, — пишет Бернгарди, — видел Платона Зубова и Палена во дворе дворца в тот момент, когда отец его погиб насильственной смертью в своей спальне, поэтому Александр знал, что они не были непосредственно свидетелями кровавого дела. Иначе обстояло дело с Беннигсеном. И именно этот последний теперь приобрел доверие Александра, которому он был до тех пор довольно чужд, и попал в число приближенных к нему лиц. Он сопровождал государя на корона-

цию в Москву, был не в очередь произведен в генералы от кавалерии, сделался генерал-адъютантом, и, хотя император с течением времени перестал уважать его, мир не раз видел его во главе русской армии».

Ланжерон замечает: «Императрица Мария с отвращением относилась ко всем тем, кто принимал участие в убийстве ее супруга. Она преследовала этих людей неустанно, и ей удалось удалить всех, устранить их влияние или положить предел их карьере. Она добилась увольнения Палена. Генерал Беннигсен был предметом страстной ненависти вдовствующей императрицы. Она требовала от своего сына, чтобы он никогда не делал генерала маршалом, хотя никто не был так достоин этого, как Беннигсен, но она не могла помешать тому, чтобы Александр воспользовался им в борьбе с Наполеоном как одним из самых способных полководцев. Гвардейские офицеры, принимавшие участие в заговоре, один за другим попадали в немилость и были удалены, так что по истечении года никого из заговорщиков не осталось в столице, если не считать Зубовых (Валерьяна⁶ и Николая)».

Повторяем, что меры против виновников и участников преступления были приняты спустя несколько месяцев после перемены царствования и без малейшего следа судебного разбирательства. Отношения Александра к участникам катастрофы сначала были весьма благоприятными. Лишь впоследствии и медленно, по-видимому, благодаря влиянию на эти отношения вдовствующей императрицы положения Палена, Зубова, Беннигсена изменились. Еще поразительнее эта перемена по отношению к графу Панину. Катастрофа произошла 11–12 марта. 12 марта послано было графу Панину в Москву, где он жил, приказание как можно скорее приехать в Петербург. Роджерсон⁷ писал Воронцову, что только двое, а именно Панин и Беклешев⁸, были призваны обратно прямым приказанием или собственноручным письмом государя. По другому толкованию того же письма Роджерсона, графа Панина вызвал в первую же минуту Пален. Уже 13 (25) марта Татищев писал Воронцову о составе иностранного ведомства и как члена этой Коллегии наряду с Куракиным⁹, Паленом, Татищевым¹⁰ и Муравьевым¹¹ называет Панина. Таким образом, назначение Панина в первый момент нового царствования было делом решенным. Невозможно было раньше принять решение вызвать Панина, чем это произошло. Невозможно было быстрее совершить путешествие, чем это сделал Панин. 21 марта он прибыл в Петербург, и в тот же день последовало его назначение министром иностранных дел.

Император Александр принял человека, к которому прежде относился с таким доверием, необыкновенно сердечно и благосклонно. Мы уже упоминали выше о том, что при первой встрече Александр сказал Панину, что события, к сожалению, приняли иной оборот,

чем они с Паниным ожидали. Тотчас после первого свидания с императором Панин подробно описал жене, как Александр несколько раз обнял его и как милостиво говорил с ним о самом себе и своих делах. В других письмах говорится о сердечном отношении к Панину императора и императрицы. Граф ежедневно работал по несколько часов вместе с Александром в его кабинете. Роджерсон писал, что государь в восхищении от графа, Муравьев подчеркивал, что Панин пользуется безграничным доверием Александра.

Панин с юности находился в самых дружеских отношениях с императрицей Марией Федоровной. Об этом свидетельствует большое количество писем, которые она написала графу. Тем не менее, как говорят, назначение Панина министром в марте 1801 года состоялось не без противодействия с ее стороны. Когда он, заняв новую должность, представлялся вдовствующей императрице, она, как рассказывают, не дала ему поцеловать своей руки до тех пор, пока на ее вопрос, был ли он причастен к катастрофе Павла, не ответил, что в момент кончины государя его не было в Петербурге. Вдовствующая императрица удовлетворилась этим и уверяла графа в своей благосклонности. Целый ряд собственноручных писем вдовствующей императрицы Панину, написанных от апреля до сентября 1801 года, показывают, что она поддерживала с графом самые благожелательные отношения. В июне Панин имел возможность оказать вдовствующей императрице существенную услугу по случаю ее объяснения с императором Александром относительно иконы. 14 (26) июня Стедингк сообщает королю Густаву IV¹²: «Так как Пален удалился от дел, то усилились влияние и кредит Панина. Хотя Панин был открытым врагом покойного государя и в значительной мере участвовал в революции, он все-таки сумел сохранить благосклонность вдовствующей императрицы, которая питает непримиримую ненависть к Палену и постоянно уговаривает своего сына удалить всех тех, кто участвовал в заговоре».

Однако благосклонность государя и его матери продолжалась недолго. Уже в мае Воронцов в письме Панину сетовал на то, что последний не пользуется таким доверием, какого заслуживает. Говорили о намерении Александра назначить государственным канцлером графа Воронцова, что неприятно поразило Панина. Во многих вопросах внешней политики взгляды Панина и Александра расходились. Говорят, что государю донесли о некоторых вещах, которые Панин высказывал об Александре. Панин считал влияние Лагарпа вредным и умолял государя не вызывать его в Россию, тем не менее Лагарп был вызван. Но хуже всего было то, что росла антипатия Александра к Панину как следствие усиливавшегося убеждения, что исходным пунктом преступления 11 (12) марта был план регентства, составленный

Паниным в соглашении с великим князем. Вероятно, уже в конце мая государь высказывался в этом смысле относительно Панина, так как 28 мая Панин среди прочего писал государю: «То, что ваше величество сказали мне вчера вечером относительно события, которое возвело вас на престол, повергло меня в глубокую скорбь. Если ваше величество считает меня причиной акта, который, как вы полагаете, пятнает вашу славу, то мое присутствие должно быть для вас невыносимо, я готов избавить вас от него и покинуть все (кроме жены и детей), чтобы в добровольном изгнании оплакивать утрату доверия со стороны государя, за которого я охотно отдал бы жизнь. Одного слова, одного движения Вашего величества было бы достаточно для этого, но я взял бы с собой в могилу убеждение, что я послужил моему отечеству, решившись прежде всех других развернуть перед вами потрясающую картину опасностей, грозивших погубить страну».

После этих объяснений между молодым государем и министром последний остался на своем посту, но окончательное падение его являлось лишь вопросом времени. Состояние духа Александра было в то время, вследствие катастрофы, такого рода, что он стал неспособен спокойно взвешивать и справедливо оценивать обстоятельства. Подробности относительно этого мы узнаем из самого лучшего источника — записок друга Александра князя Адама Чарторьского. Последний находился за границей, когда произошла перемена царствования, после нее он тотчас же приехал в Петербург и написал следующее о состоянии, в котором нашел Александра. «Он позвал меня в свой кабинет и сказал мне: “Если бы вы были здесь, то всего этого не случилось бы, если бы я имел вас около себя, то я не позволил бы увлечь себя таким образом”. Затем он рассказал о смерти своего отца, выражая крайнюю степень скорби и самые невыразимые угрызения совести. Это печальное и роковое событие в течение некоторого времени очень часто служило темой наших разговоров, государь желал посвятить меня во все подробности события, несмотря на то что тяжело страдал при этом». В одном из примечаний к своему рассказу Чарторьский пишет: «То, что сообщает господин Ланжерон о смерти Павла, — правда, но не вся правда, надобно прибавить все те доводы, которые приводились Паниным и Паленом с целью побудить великого князя Александра согласиться на то, чтобы у отца его было вынужденное отречение от престола. Это согласие было вырвано (*arrache*) у него с величайшим трудом и после самых торжественных обещаний, что императору Павлу не будет причинено никакого зла. Трудно описать крайнее отчаяние Александра, когда он узнал о смерти своего отца. Отчаяние это продолжалось несколько лет и заставляло опасаться, чтобы от него не пострадало здоровье Александра. Угрызения совести, преследовавшие его, сделались ис-

ходным пунктом его позднейшей склонности к мистицизму. Император Александр никогда не мог простить Панину и Палену, что они увлекли его (*entraîné*) совершить поступок, который он считал несчастьем своей жизни. Оба эти лица были навсегда удалены от двора».

«Александр, — замечает Чарторыский в другом месте своих мемуаров, — удалил по очереди всех главарей заговора, которые совсем не были опасны, но вид которых был ему крайне неприятен, тягостен и ненавистен, — и далее, — Император Александр рассказывал мне, что первый, говоривший с ним об этом (то есть о необходимости устранить Павла), был Панин и что Александр никогда не мог простить ему этого». Панин был очень далек от того, чтобы отрицать, что раньше всех говорил с Александром об этом вопросе. Он уверял, что таким образом оказал услугу своему отечеству и имеет право гордиться этим. Если же поступок Панина казался императору Александру непростительным преступлением, то следует поставить себе вопрос, как он, тот же самый Александр, мог совершенно иначе судить об образе действий Панина в первое время своего царствования. Призыв Панина в Петербург сразу же после вступления на престол, назначение его министром иностранных дел, благосклонное отношение, которым Панин пользовался сначала со стороны государя, — все это доказывало, что в различное время Александр по-разному относился к Панину, хотя Панин оставался верным себе, и его участие в катастрофе было столь же незначительно до изменения к нему отношения Александра, как и после этой перемены. Знаменательно для этих обстоятельств, что люди, вовсе не расположенные к Панину, находили отношение к нему государя несправедливым. Кочубей по поводу падения Панина писал графу Воронцову: «Государь, насколько я заметил, имеет что-то против Панина из-за революции, которая возвела его на престол. Правда, Панин, как вам известно, первый говорил с ним о регентстве; но теперь у государя явились угрызения совести, и он считает преступлением то, что он, государь, думал о регентстве. Между тем ни один разумный человек не мог бы дать ему лучшего совета». В таком же роде содержание письма Николаи¹³ Воронцову, где читаем: «Воспоминание о перевороте 12 марта, первоначальный план которого был составлен Паниным вместе с покойным Рибасом, совершенно изменило хорошее отношение государя к Панину. Конечно, план этот не имел в виду того позорного дела, какое было совершено; но непредвиденные последствия плана регентства сильнее восстановили государя против графа, чем самый план». Порицая политику Панина по отношению к Швеции, Стедингк в то же время по поводу несправедливого отношения Александра к Панину обращает внимание короля Густава IV на то, что в свое время Александр сам соглашался на выполнение плана регентства, составленного Паниным. Впрочем,

Александр, по-видимому, не объяснялся с Паниным относительно этого пункта, если не считать намека, сделанного вечером 27 мая 1801 года; гонение на графа производило тем более тягостное впечатление, что последний так и не смог узнать, за что он подвергся такому беспримерно несправедливому отношению. Как увольнение Панина от должности в сентябре 1801 года, так и ссылка его в 1804 году, о которой пойдет речь, не были вызваны планом регентства, но тем не менее находились с ним в тесной связи. Образ действий Александра в этом несчастном случае представляет собой психологическую проблему, в поведении его есть патологическая черта, весьма ценная для характеристики государя. В издании «Материалов для жизнеописания графа Н. П. Панина»¹⁴ указаны все моменты недовольства Александра Паниным, объясняющие его удаление. Увольнение министра такого рода, как известно, редко может быть объяснено совершенно определенными причинами. Нечего указывать на все эти второстепенные различия мнений и личные столкновения. Полагаем, что некоторые неблагоприятные отзывы об императоре Александре в письме Панина Воронцову последний предательски сообщил государю. Это послужило поводом к тому, что навсегда оказался положен конец политической деятельности Панина (ему был в то время 31 год). В рукописных же заметках Муханова¹⁵ мы находим следующие замечания по поводу объяснения удаления Панина: «Такое неожиданное падение должно было вызвать тысячи предположений относительно причины его, из которых ни одно не было верно. Вдовствующая императрица, не знавшая настоящей причины изменения отношения государя к Панину, делала своему сыну упреки за удаление графа. Она говорила Александру, что так нельзя царствовать, что нельзя проявлять такого жалкого непостоянства, что таким образом ему не удастся никого привязать к своей личности. Она подчеркивала, что Панин несомненно заслуживает больше доверия, чем кто бы то ни было; говорила о необыкновенных способностях Панина, о его преданности, лояльности и особенно напирала на то, что ему нельзя сделать никакого упрека за то, как он держал себя в деле убийства Павла. Это последнее обстоятельство имело особенное значение в глазах вдовствующей императрицы, и она несколько раз возвращалась к нему. Александр не ответил ни слова, но пошел в свой кабинет и написал там записку, в которой сообщил своей матери об участии Панина в заговоре. Начиная с этого момента Панин бесповоротно погиб во мнении вдовствующей императрицы, которая обвинила его в вероломстве и во лжи, ненависть ее была тем сильнее, чем более она обманулась в графе». После этого рассказа, подтверждающего полное изменение отношения к Панину со стороны вдовствующей императрицы, мы можем допустить, что она узнала о составленном им плане регентства лишь по случаю

его падения. Когда Мария Федоровна в первые дни царствования Александра спросила у Панина, был ли он сколько-нибудь причастен к убийству Павла, то Панин вполне правдиво мог указать на то, что он, ничего не подозревая, находился на расстоянии в несколько сотен верст от места действия. План регентства, составленный им сообща с Александром, тем менее мог служить предметом разговоров Панина с Марией Федоровной, что план этот относился к более раннему прошлому и составлял тайну не только Панина, но и Александра. Если же затем в записке Александра Панин представлен преступником, то, если бы содержание записки отвечало действительности, Александр должен был бы быть представлен в ней сообщником Панина. Не без причины, однако, Панин после своего падения несколько раз указывал на свою солидарность с великим князем и на то, что в руках его имеются письменные доказательства участия Александра в плане регентства и его согласия на этот план. Таким образом, мы имеем полное основание предполагать, что мать Александра была недостаточно осведомлена относительно образа действий сына.

Обширный материал источников, который имеется у нас относительно истории увольнения Панина, заставляет предполагать, что между государем и графом не произошло никакого объяснения по поводу главной причины немилости. Подав в отставку, Панин имел полное право утверждать, что сделал это по собственному побуждению. На прошение Панина об отставке Александр ответил выражением надежды, что граф, который, как это обычно делается, ссылался на свое будто бы расстроенное здоровье, вскоре снова будет в состоянии послужить своему отечеству. На этот рескрипт, написанный несколько холодным тоном, но в сущности казавшийся благожелательным, Панин впоследствии указывал как на доказательство того, что немилость к нему не была ничем мотивирована и ничем не может быть оправдана.

Нет сомнения, что Александр уже тогда решил никогда не призывать на службу Панина и что надежда графа вскоре вернуться к деятельности была также неосновательна, как и мнение политических друзей Панина, что он в интересах самого государства в скором времени получит назначение. В письме Густаву IV Стедингк прямо говорил: “Il n’y a aucune disgrâce dans la démission du comte de Panin” («Нет никакой немилости в увольнении графа Панина»). Это было заблуждением. Вскоре все узнали, что положение Панина стало сомнительным и что нечего думать о возвращении графа к делам. Даже более. По рассказу Саблукова¹⁶, Александр уволил Палена в июле 1801 года, допуская, что он может произвести новый государственный переворот. Нечто подобное могло относиться осенью 1801 года к Панину. Из протоколов «Неофициального комитета», в котором принимали участие кроме

Александра только Новосильцев, Чарторыский и Строганов, видно, что Панин и Зубов в то время находились постоянно под надзором тайной полиции, причем сыщики действовали настолько неискусно, что Панин говорил об этом надзоре в кругу знакомых, а Зубов даже жаловался полиции на то, что за ним следят. Чарторыский в своих мемуарах выдает многое, что происходило в «Тайном комитете». Он пишет: «Шла речь об увольнении графа Панина. Государь сильно желал избавиться от него; Панин был ему в тягость, был ему ненавистен и возбуждал его подозрения. Государь не знал хорошенько, как удалить его. Дело рассматривалось серьезно и обстоятельно. Наконец было решено заменить Панина графом Кочубеем. Все согласились, что пока Панин может оставаться в Петербурге. До последнего момента государь и виду не показал Панину и не мог поступить иначе, так как желал избежать неприятных сцен. Панин покорился своей судьбе и отступил. Все время, пока он еще находился в Петербурге, он был окружен шпионами, которые непрестанно следили за ним. Государь по несколько раз в день получал от тайной полиции сведения о том, что Панин целый день делал, где он был, с кем говорил на улице, сколько часов провел в том или другом доме, кто посещал его и, если возможно, о чем говорил с ним. Эти сообщения, читавшиеся в “Тайном комитете”, были составлены тем таинственным стилем, который так любит тайная полиция, чтобы придать важность себе и вызвать интерес к совершенно ничтожным вещам. В сущности эти сообщения были совершенно бессодержательными, но государь сильно беспокоился, его мучило присутствие Панина, он постоянно предполагал, что Панин составляет изменнические планы и не знал ни покоя, ни душевного мира, пока Панин не уехал. Так как граф видел, что за ним постоянно наблюдают сыщики, и заметил, что вид его невыносим для государя, то он решился покинуть Петербург».

Этот рассказ характеризует образ мыслей и действий Александра. Прошел год с тех пор, как он сам в ночную пору встречался с Паниным в тайных закоулках, чтобы совещаться с ним о средствах устранения царствовавшего тогда императора. Когда Александр начал царствовать, то считал вероятным, что Панин таит против него подобные же намерения, которые сам он вместе с графом незадолго до этого имел против Павла. Обстоятельства стали совершенно иными, не было ни малейшего повода к такого рода замыслам, императору Александру не грозила никакая опасность. Панин всех менее мог замышлять что-либо против него, но Александр считал его вечным заговорщиком и преследовал его самым беспощадным образом. То обстоятельство, что Александр ничем не обнаружил своего настроения перед Паниным, налагало на эти события еще более тягостный отпечаток. Когда летом 1802 года граф Панин хотел предпринять со своей семьей

путешествие за границу, в шведской части Финляндии ему велено было, по приказанию короля Густава IV, выехать из пределов Швеции. Причиной такого приказания, нарушающего международное право, объявлялось не особенно дружественное отношение Панина к Швеции в бытность его министром иностранных дел. Но король поступил таким образом с Паниным еще и потому, что последний имел отношение к катастрофе Павла. Когда Александр узнал об этом эпизоде, он был особенно неприятно поражен тем, что Панина постигла такая неудача в путешествии потому, что он считался заговорщиком.

Панин не без основания усмотрел в бесцеремонном отношении к нему в шведской области оскорбление не только для себя, но и для России, международный инцидент. Поэтому, решив вернуться в Петербург, он прибег к вмешательству Александра, к защите ведомства иностранных дел, то есть князя Куракина и графа Кочубея. Как государь, так и министры обещали ему свое содействие для получения удовлетворения, но они не сделали ничего или почти ничего, так как Кочубей в разговоре со Стедингом удовольствовался несколькими неодобрительными замечаниями. Панин, получивший трехлетний отпуск, отправился в Западную Европу другим путем и перед своим отъездом был приглашен к императорскому столу. По этому случаю между государем и бывшим министром не произошло никакого разговора. Государь заметил только, обратившись к графу: «Я обязан шведскому королю удовольствием видеть вас здесь». Александр и Панин встречались тогда в последний раз.

Граф получил отпуск на три года и провел время со своей семьей в Германии, Австрии, Швейцарии и Италии. Так как он хотел немного продолжить свой отпуск, то написал тогдашнему министру иностранных дел князю Адаму Чарторыскому, а также государю. Панин был уверен, что он будет призван на службу государству. В августе 1804 года Александр дал ему знать, что он может продолжить свой отпуск насколько ему угодно и может жить там, где ему вздумается; государь же оставляет за собой право воспользоваться его услугами, когда это потребует.

Спустя несколько недель, когда Панин находился уже в России и собирался ехать в Петербург, император Александр устно известил через генерала Ливена¹⁷ сестру Панина госпожу Тутолмину¹⁸, чтобы граф больше не приезжал в Петербург, так как присутствие его в столице неприятно ему, государю; Панину предлагалось держать это приказание втайне; он, государь, также не будет ни с кем говорить об этом, так что все будут думать, что изгнание Панина добровольное.

Госпожа Тутолмина написала своему брату: «Я понятия не имею, чем вызвана эта суровая мера (*rigueur*); я не могу также ничего узнать

об этом, так как не могу ни с кем говорить, не нарушив запрета государя. Поэтому я написала его величеству». В том своем письме Александру сестра Панина указывает среди прочего на противоречие между письмом Чарторьского и приказанием государя. Затем она продолжает: «На нас наложено глубочайшее молчание относительно этого события; но несчастье, поразившее моего брата, не может остаться тайной для публики. Возможно ли, что моему брату отказано будет в том праве, в котором ваше величество не может отказать самому ничтожному из ваших подданных, в праве узнать, в чем его обвиняют, и в праве обратиться к правосудию? Если он невинен и имеет только несчастье не нравиться вашему величеству, то пусть ваше величество взвесит обе эти вещи — с одной стороны, минутную неприятность, которую может причинить вашему величеству присутствие моего брата, с другой — глубокое горе человека, который, будучи убежден в своей невинности, видит себя лишенным благосклонности своего монарха и удаленным от лица справедливого и милостивого государя, в царствование которого еще не было другого примера подобной суровости. Пусть ваше величество сообщит ему, в каком преступлении он обвиняется, и пусть не осуждает моего брата, не выслушав его».

Панин писал своему другу графу Андрею Разумовскому¹⁹, уведомляя его о случившемся: «Не спрашивайте меня о причине сурового ко мне отношения. Я не знаю ничего, решительно ничего: все старания и усилия моих друзей открыть эту причину остались тщетными... Вы можете себе представить, что я как человек чести чувствую при таком оскорблении (outrage). С какой бы готовностью мне ни было предложено удовлетворение слишком позднего оправдания, но государь при всей своей власти никогда не сможет заставить меня снова служить ему, я должен был бы сойти с ума, чтобы опять броситься в эту пучину горя и сожалений. Я достаточно несчастен тем, что, исполняя свой долг отца семейства, должен жить в стране, где напрасно зывают к справедливости», и т. д.

В наброске письма, которое Панин не отправил Александру, говорится, что граф не имеет никакого понятия, чем он навлек на себя немилость, и что он, сильный сознанием своей невинности, со спокойной совестью ожидает приказания государя. В письмах государю Панин несколько раз требовал рассмотрения своих мнимых преступлений. Все было напрасно, так как в основе всего находился план регентства, и эта тайна, известная Александру, не могла быть обсуждаема на суде. Как в письме вдовствующей императрице от 1804 или 1805 года, так и в письме императору Николаю от 1826 года Панин указывал, что его устные и письменные обращения к великому князю Александру по поводу плана регентства не могут быть поставлены ему в упрек, так как он

при этом руководствовался самыми чистыми побуждениями и так как Александр был вполне с ним согласен; он подчеркивал, что ни в коем случае не может быть сделан ответственным за то, что Александр поручил исполнение плана недостойным лицам; что он не может считаться сообщником преступления, во время совершения которого он, ничего не подозревая, находился в Москве, на расстоянии 800 верст и т. д.

Преследования Панина не имели конца. Когда в 1807 году, во время опасности, угрожавшей русской границе, дворянство Смоленской губернии избрало графа Панина начальником организованной тогда милиции, из Петербурга пришло по приказанию государя распоряжение, чтобы Панин немедленно оставил эту должность. В письме графу Толстому²⁰ от 1810 года Панин жаловался на то, что подвергся «гражданской смерти», что из всех подданных Александра он один не имеет прав и что просит по крайней мере определить границы, внутри которых ему позволено свободно двигаться, и решить, может ли он приезжать в столицы в то время, когда двор там не пребывает. Положение Панина оставалось неизменным. Когда в 1818 году в Петербурге разнесся слух, что Панин хочет приехать в резиденцию, один сановник написал ему, что пребывание его в Петербурге «невозможно». Жена Панина в 1818 году обратилась к императору Александру с просьбой выяснить положение и оказать ее мужу справедливость; но ничего сделано не было. Преследование Панина продолжалось и за гробом. Когда вскоре после вступления на престол императора Николая тесть Панина граф Орлов²¹ на коленях просил государя прекратить гонения на Панина, Николай, как рассказывают, сказал, что он должен был обещать матери, вдовствующей императрице, оставить в этом деле все по-старому. Так до конца своей жизни (1837 год) оставался гонимым и отверженным Панин — инициатор плана, который имел целью установить регентство вследствие душевной болезни императора Павла.

Панин считал возможным устранение Павла без насилия, другие думали, что для спасения государства они должны совершить преступление. В этом преступлении Панин не был виновен. Трагическая судьба заставила его пострадать из-за несчастного стечения обстоятельств, которые хотя и спасли Россию, но привели к смерти Павла. Жозеф де Местр писал в 1805 году своему королю о кончине Павла: “Il fallait que cette mort arrivât, mais malheur à ceux par qui elle est arrivée” («Смерть эта должна была наступить, но горе тем, кто был ее виновниками»).

